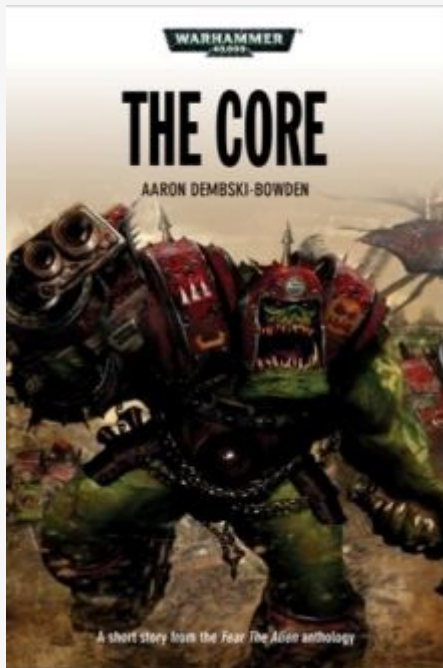

Ядро / The Core (рассказ)

Ядро / The Core (рассказ)

Автор	Аарон Дембски-Боуден / Aaron Dembski-Bowden
Переводчик	Dammerung
Издательство	Black Library
Серия книг	Повелители Ночи
Входит в сборник	Бойся чужого / Fear the Alien
Следующая книга	Блуждающая в пустоте / Void Stalker
Год издания	2010
Экспортировать	PDF , EPUB

Посмотрите на Имперуум отца моего.

Не разворачивайте пергаментную карту, не рассматривайте гололитические схемы.

Просто поднимите головы к ночному небу и откройте глаза.

Всмотритесь в пустоту меж миров — этот темный океан, безмолвное море.

Всмотритесь в миллионы очей, пылающих светом; каждое из них — солнце, что должно покориться власти Императора.

Эпоха чужих, эра нелюдей окончена.

Началось господство человечества, и десятью тысячами когтей мы заявим притязания на сами

звезды.

- Примарх Конрад Керз, обращение к VIII легиону, Великий крестовый поход

□

Содержание

I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X

I

Оно знало себя лишь как Старейшее.

Это было больше, чем имя, – его место в творении. Оно было самым старым, самым сильным и свирепым, и оно отведало больше всего крови. Прежде чем стать Старейшим, оно принадлежало к низшей породе. Эти слабые существа были сородичами Старейшего, однако сейчас оно держалось вдали от них, пытаясь утихомирить голод, который никогда не исчезнет.

Старейшее дернулось во сне, который не был до конца ни сном, ни оцепенением, но неким неподвижным состоянием, переходящим из одного в другое. Мысли его текли вяло, инстинкты и неясные ощущения медленно ползали позади закрытых глаз. В глубине разума Старейшего перешептывались сознания его сородичей.

Они говорили о слабости, об отсутствии добычи, и поэтому этими шепотками можно было пренебречь.

Старейшее не способно было видеть сны. Вместо того, чтоб спать и грезить подобно человеку, оно лежало без движения в глубокой темноте, не обращая внимания на мысленные импульсы своих слабых собратьев и позволяя собственным сонным мыслям вращаться вокруг ненавистного голода, что пробирал его болью до самого нутра.

Добыча, ныло в его медлительном, жаждущем разуме.

Кровь. Плоть. Голод.

II

Полубоги шли через тьму, и Септим следовал за ними.

Он все еще не понимал, почему хозяин приказал присоединиться к ним, но его долгом было подчиняться, а не задавать вопросы.

Он был одет в потрепанный скафандр, жалкий в сравнении с боевыми доспехами Астартес, полностью скрывающими тела полубогов, и следовал за ними по наклонной палубе десантно-штурмового корабля вниз, в темноту.

- Почему ты идешь с ними? - затрещал в воксе женский голос. Чтобы ответить, Септим должен был переключать каналы вручную при помощи частотной шкалы, встроенной в маленький прибор управления скафандром на левом рукаве. К тому времени, как он нашел нужный канал, женский голос повторил вопрос более обеспокоенно и вместе с тем раздраженно.

- Я спрашиваю, почему ты идешь с ними?

- Не знаю, - ответил слуга. Он уже был позади Астартес и практически бежал трусцой, чтобы не отставать от них. При всей своей пользе фонарь, закрепленный сбоку шлема, испускал лишь слабый поток света в направлении его взгляда. Луч цвета тусклого янтаря вырывался вперед и пронзал тьму, давая столь слабое освещение, что от него практически не было толку.

Световое пятно скользило по изогнутым арками стенам из неотполированного металла, по покрытию палубы; всего через несколько минут оно озарило первое тело.

Хозяин и его братья уже прошли мимо, но Септим замедлил шаг и опустился возле трупа на колени.

- Поторопись, раб, - сказал по воксу один из них. Они спускались все глубже по темным туннелям. - Не обращай внимания на тела.

Септим позволил себе последний раз взглянуть на тело — человеческое, мужское, замороженное в камень в лишенной тепла темноте. Он мог лежать мертвым неделю, мог и сотню лет. Все процессы разложения остановились, когда корабль лишился энергии и оказался открыт космосу.

Словно вторая кожа из хрусталя, все кругом покрывала изморозь, от стен до палубы и измученного лица мертвого мужчины.

- Поторопись, раб, - снова позвал его рыкающий, низкий голос.

Септим поднял глаза, и слабый луч света протянулся во тьме. Он не видел ни хозяина, ни его братьев. Они ушли слишком далеко вперед. Ища их взглядом, он наткнулся на нечто куда более неприятное, однако не сказать, чтоб неожиданное.

Еще три трупа, также окутанные изморозью и окоченевшие, как и первый, накрепко примерзшие к металлическому полу коридора, ставшего их могилой. Кончиками пальцев в перчатке Септим прикоснулся к ближайшей обледенелой ране, и на его лице появилась гримаса, когда он ощутил изломанные кости и красную плоть, неподатливую, как камень.

Он почувствовал, как палуба дрожит под грохотом шагов. Корабль пребывал в вакууме, поэтому шаги приближающегося полубога беззвучно сотрясали пол. Септим снова поднял голову, и луч фонаря осветил доспехи мутного, мертвенного синего цвета, как у порченого сапфира.

- Септим, - произнес в вокс возвышающийся над ним доспех. В темных кулаках он сжимал тяжелый болтер, массивный и древний на вид, слишком большой, чтобы его мог нести человек, и украшенный побелевшими черепами, свисающими на цепях из полированной бронзы. Дуло оружия было выполнено в

виде черепа, широко распахнувшего челюсти, будто ствол высывался из визжащей пасти скелета.

Септим хорошо знал это оружие, ибо это он ухаживал за ним, чинил его и оказывал почести обитающему внутри духу машины. Раб поднялся на ноги.

- Простите меня, лорд Меркуциан.

Раскосые глазные линзы воина осмотрели его спокойным, внимательным взором.

- Что-то не так?

У голоса Меркуциана, была особенность, которая отсутствовала у большинства остальных, и ее можно было услышать даже через вокс. В нечеловеческой глубине и резонансе этого голоса можно было уловить измененные акцентом гласные. Благородное произношение Меркуциана указывало на то, что в юности он получил широкое образование, а также украшало его нострамский.

- Нет, господин. Ничего особенного. Мне стало любопытно, вот и все.

Воин повернулся обратно в коридор.

- Подойди, Септим. Держись рядом. Дополнительный груз тебе не мешает?

- Нет, господин.

Септим солгал, но не слишком. Он тащил на плече тяжелый контейнер с боеприпасами вдобавок к кислородным баллонам за спиной. Она была плотно набита лентами со снарядами к огромной болтерной пушке, которую сжимал в латных перчатках Меркуциан. Воин и сам нес два таких же контейнера, пристегнутых к поясу.

В воксе затрещал еще один голос, также говоривший на нострамском, но каждый слог у него будто оканчивался острым лезвием.

Септим довольно хорошо знал акцент бандитов улья. Он и сам ему выучился, естественным образом переняв интонацию, когда хозяин научил его этому языку. Большинство полубогов разговаривали подобным образом.

- Поторопитесь, вы оба, - пролаял голос.

- Мы идем, Ксарл, - ответил Меркуциан.

Воин пошел впереди, опустив громадное оружие, беззвучно стуча сапогами по палубе. Он перешагнул через трупы, не удостоив их вниманием.

Септим обошел их, отметив, что каждый был начисто выпотрошен страшными ударами. Он видел подобные раны и прежде, но только на голоэкранах, во время биологических демонстраций.

Следуя за Меркуцианом, раб повернул реле на запястье.

- Генокрады, - прошептал он в личный канал.

Женщину на другом конце звали Октавия, так как она была восьмым рабом, так же, как Септим был седьмым.

- Будь осторожен, - сказала она со всей серьезностью.

Септим поначалу не ответил. Тон Октавии указывал, что она знала, насколько безумны эти слова, учитывая, что оба они существовали лишь как пешки Повелителей Ночи.

- Они сказали тебе, зачем мы здесь? Я не верю в байку про мародерство.

- Ни слова, - ответила она. - Они ничего мне не говорили с тех пор, как мы покинули Море Душ.

- Раньше, на «Завете Крови», мы все время грабили космические скитальцы. По крайней мере, когда нас не рвали на куски имперские орудия. Но здесь как-то все иначе.

- Как это — иначе?

- Хуже. Для начала, этот больше, - Септим снова посмотрел на наручный хронометр. Он пребывал на скитальце уже три часа.

Тремя часами ранее корабль, больше похожий на зловещий клинок, переместился в систему, покинув объятия варпа в выплеске плазменной дымки и пламени двигателей.

Корабль был темен, как зимнее небо в полночь, его бока украшала блестящая чеканная бронза, подобная той, что защищала тела древних героев Терры во времена невежества и безбожия, когда люди еще не потянулись к звездам.

Это было творение воинственной красоты — бронированные ребра, готическая архитектура хребта — воплощенной в гладкой и хищной форме. Зазубренное копьё цвета черненой синевы и золоченой бронзы, пронзающее пустоту. Поблизости не было действующих судов, принадлежащих Империи, ксеносам или кому-либо еще, но если бы они были — и обладали при этом возможностью пробиться сквозь защищающий от ауспиков криптографический туман, создаваемый темным кораблем — то они бы узнали этот корабль по имени, которое он носил во время Ереси Гора, десять тысяч лет назад.

В то темнейшее из времен этот звездолет парил в небесах Святой Терры, над пылающей атмосферой. Пламя миллиона кораблей расцветило космос, когда они яростно сражались друг с другом, в то время как планета под ними, колыбель человечества, горела.

Он был там и поражал корабли, верные Золотому Трону, и они рушились с орбиты, разрывая окутывающие Терру облака и подобно молотам врезааясь в города Императора.

«Ашаллиус С'Вейвал» — так он назывался на мертвом языке мертвого мира. На имперский готик это можно было примерно перевести как «Эхо Проклятия».

III

«Эхо Проклятия» призраком плыл вперед на слабо горящих двигателях, с молчаливой уверенностью рассекая космос. На его мостике люди работали вместе с существами, что уже на протяжении многих поколений не были людьми.

На троне из черного железа и полированной бронзы в центре обильно украшенного помещения восседала некая фигура. Астартес был облачен в древний доспех, чьи части за долгие годы были собраны более чем с дюжины погибших воинов и восстановлены с большим почтением. Лишенные челюстей черепа свисали с наплечников на цепях и гремели с каждым движением воина и с каждым содроганием корабля, которым тот командовал. Лицом, что он являл миру, было глухое забрало в виде черепа с выжженной на лбу одинокой руной, взятой из мертвого языка.

Вокруг фигуры на троне кипела деятельность. Офицеры в старой униформе Имперского Флота, с которой были сняты знаки отличия, работали за различными консолями, столами и экранами когитаторов. Пожилой человек за широкой рулевой консолью передвинул тяжелый стальной рычаг в фиксированную позицию и посмотрел на экраны перед собой, читая рунический текст, что набегал на экран бесконечными волнами. Для несведущего человека столь бурный поток сведений не имел бы смысла.

- Переход завершен, мой повелитель, - крикнул он через плечо. - Все палубы, все системы стабильны. Восседающий на троне силуэт в маске склонил голову в медленном кивке. Он все еще чего-то дожидался.

На мостике зазвучал голос — женский, молодой, однако пронизанный усталостью — доносящийся из динамиков в пастях демоноликих горгулий, украшающих металлические стены.

- Мы это сделали, - выдохнул голос. - Мы на месте. Так близко, как я только смогла.

Наконец силуэт, восседающий на троне, поднялся на ноги и заговорил впервые за несколько часов.

- Прекрасно, - голос его был глубоким и нечеловечески низким, однако в нем чувствовалась на удивление мягкая нота. - Октавия?

- Да? - снова спросил женский голос, слабым ветром проносящийся над мостиком. - Мне... мне нужно отдохнуть, господин.

- Тогда отдыхай, навигатор. Ты хорошо поработала.

Некоторые из людей, обслуживающих мостик, обменялись нервными взглядами. Этот новый командир не походил на прежнего. Приспосабливались к нему медленно, так как большая их часть служила Возвышенному — или даже худшим хозяевам — на протяжении многих лет. Всем им было непривычно слышать похвалу, произнесенную в их присутствии, и прежде всего она вызывала подозрение.

Из ниши в западной стене зала донесся голос мастера-наблюдателя. Хотя он был человеком, голос был механическим, ибо половину его лица, горло и туловище заменяла недорогая и грубая бионика. Аугметику, служившую ему вместо человеческой плоти, он заработал при падении Виламуса, пять месяцев тому назад.

- Ауспик ожил, господин! - крикнул он.

- Просветите же меня, - сказал облаченный в доспехи командир. Он пристально смотрел на оккулус, однако огромный экран в передней части мостика оставался полумертвым, ослепленным чудовищными помехами. Его это не беспокоило — он привык к статическому шуму после путешествия в варпе. Оккулусу всегда требовалось какое-то время, чтобы перенастроиться и восстановиться.

Порой он видел лица в сером шторме беспорядочных сигналов, проносящихся по сверкающему экрану — лица павших, потерянных, забытых и проклятых.

Они всегда вызывали у него улыбку, даже когда кричали надрывным голосом белого шума.

Мастер-наблюдатель заговорил, глядя на показания ауспиков, занимающие четыре мерцающих экрана, каждый из которых показывал цифровые данные обо всем, что окружало корабль.

- Если лететь на трех четвертях полной скорости, через пятнадцать минут и тридцать восемь секунд мы приблизимся на расстояние, достаточное для запуска десантных капсул в указанную цель.

Командир улыбнулся за забралом. Кровь отца, Октавия. За это надо хвалить только твои умения, подумал он. Вырваться из Моря Душ так близко к движущейся цели. Для столь юного навигатора она была необычайно талантлива — или удачлива; она научилась мчаться по тайным тропам Эмпирея с помощью упорства и природного чутья.

- Есть ли сигналы от кораблей поблизости?

- Нет, господин.

Пока все шло хорошо. Командир кивнул влево, где управляли защитными системами офицеры в потрепанной униформе и сервиторы, способные концентрироваться лишь на назначенных задачах.

- Включить «Вопль», - приказал он.

- Да, хозяин, - отозвался один из офицеров. Этот человек, аколит из числа Механикус-отступников, обладал дополнительной парой многосуставчатых рук, тянувшихся из силового ранца за спиной. Они управляли другой консолью рядом с той, на которой он работал своими биологическими пальцами.

- Значительный выход плазмы, - нараспев произнес аколит. - «Вопль» может работать еще два и пятнадцать сотых часа, прежде чем придется отключить подаватели распознавания ауры.

Этого времени будет достаточно. Командир отключит «Вопль», как только убедится, что эта область пространства будет полностью безопасна. До тех пор он намеревался наполнять пространство вокруг «Эха Проклятия» ужасным шумом на тысячах частот и бессловесными машинными криками. Любой корабль на расстоянии, достаточном, чтобы выследить «Эхо» при помощи сканеров, обнаружит, что его ауспики неспособны найти какую-либо цель среди заглушающего поля, а вокс-каналы забиты бесконечным статическим ревом.

«Вопль» был самым последним изобретением техножреца Делтриана. Невидимость от имперских сканеров имела свою пользу, однако она жадно высасывала энергию, необходимую для питания других систем корабля. Когда «Вопль» работал, пустотные щиты истончались, а носовые пушки отключались полностью.

- Всю оставшуюся энергию на двигатели, - командир все еще смотрел на забитый помехами оккулус. - Подведи нас ближе к цели.

- Повелитель, - сглотнул мастер-наблюдатель. - Цель... она огромна.

- Это корабль Механикус. Тот факт, что он велик, меня не удивляет, и не должен удивлять тебя.

- Нет, господин. По расчетам она значительно больше, чем корабли соответствующего типа и назначения.

- Уточни, что значит «огромна», - сказал командир.

- По показаниям ауспиков, это образование размером примерно с Ятис Секундус, господин.

Возникла пауза, во время которой на мостике воцарилась практически полная тишина. Самым громким звуком были хриплые вдохи и выдохи командира, доносящиеся из вокс-динамика его шлема. Команда еще не очень хорошо знала нового повелителя, однако все они могли легко понять по отрывистому дыханию, что Астартес вот-вот выйдет из себя.

- Мы вышли из варпа, - прошипел командир сквозь стиснутые зубы, - чтобы найти корабль, слившийся с космическим скитальцем. А теперь ты говоришь мне, что приборы ясновидения показывают, что этот скиталец размером с небольшую луну?

- Да, повелитель, - съежился мастер-наблюдатель.

- Не увиливай, когда говоришь со мной. Я не убью тебя за неприятные известия.

- Да, господин. Спасибо, господин.

Следующую фразу командира прервал оккулус, который, наконец, сфокусировался заново. Он очистился от помех, и искажения исчезли.

В отдалении, с переменчивой ясностью, экран демонстрировал массу слипшихся, раздавленных космических кораблей, как будто бы сросшихся вместе по воле некоего своенравного и безумного бога.

И она была — как и сказал в сердцах командир — размером с небольшую луну.

Один из Астартес, стоявших у трона, шагнул вперед, поднимая скрытое темным шлемом лицо к оккулусу.

- Кровь Гора... В нем должно быть не меньше двух сотен судов.

Командир кивнул, не в силах отвести взгляд. Это был крупнейший дрейфующий скиталец, который он когда-либо видел. Возможно — он был в этом почти уверен — даже крупнейший из тех, что когда-либо видел любой человек или Астартес.

- Просканировать это месиво, найти остатки исследовательского судна Механикус, - прорычал он. - Надеюсь, оно находится во внешнем слое кораблей. Аколит, отключить «Вопль». Рулевые, подвести корабль ближе.

Приглушенное «Есть, господин» донеслось от главного рулевого.

- Подготовить Первый Коготь к высадке, - приказал командир остальным Астартес. Сев обратно на металлический трон, он вперил взгляд в огромное образование, постепенно заполняющее оккулус. По мере приближения становились видны детали — смятые очертания, искореженные шпильки.

- И передайте Люкорифу из Кровавых Глаз, что я хочу немедленно с ним поговорить.

Когда существо, более не приспособленное для ходьбы по земле, не использовало когти, они, подводя его, сжимались и стесняли движения. Оно вошло в зал, пьяно покачиваясь, движения прерывались спазмами конечностей и порожденным порчей тиком усиленных мышц. Эта дерганая походка не имела ничего общего с трусостью — она полностью объяснялась тем фактом, что зверя пленили, заставили вести себя, как одного из бывших собратьев — заставили ходить и говорить.

Подобные движения уже давно были чужды этому созданию, если не совершенно ненавистны. Оно ходило на четырех конечностях, сгорбившись и осторожно крадучись, стуча по полу когтями на руках и ногах. Цилиндрические турбины двигателей на спине существа качались в такт его неуклюжей походке.

По закрытому шлемом лицу существа сложно было сказать, что оно сохранило связь со своей кровной родней; война и варп изменили его, создав нечто, исполненное куда большей ненависти. Не было ни рунических знаков, ни черепа, нарисованного на благословенном керамите. Вместо традиционных

знаков легиона узкое забрало демонстрировало миру лик воющего демона, чья зарешеченная пасть была раскрыта в скорбном крике, длящемся с тех пор, как умер его бог-отец.

Искаженное лицо быстро повернулось, чтобы осмотреть каждого Астартес, резко дергаясь вправо и влево, как голова ястреба, выбирающего добычу. Сервоприводы и волоконные жгуты — шейные суставы его доспеха — уже не двигались плавно, с тихим урчанием, но издавали резкий лай при каждом злобном рывке его головы.

- Почему позвал? - требовательно спросило существо голосом, который мог бы исходить из скрипучего кривого клюва пустынного стервятника. - Почему позвал? Почему?

Талос поднялся с командного трона. Первый Коготь зашагал вперед вместе с ним. Пятеро других Астартес приблизились к сгорбленному существу, держа оружие так, чтоб можно было сразу за него схватиться.

- Люкориф, - произнес Талос и склонил голову в знак уважения, прежде чем отдать честь, приложив кулак к обоим сердцам. При этом перчатка и предплечье накрыли ритуально изуродованного имперского орла, распростертого на его груди.

- Ловец Душ, - из легких существа вырвался смешок, звучащий излишне сухо. - Говори, пророк. Я слушаю.

Вскоре «Эхо Проклятия» подплыл ближе; чудовищный скиталец затмевал корабль размером и полностью накрывал тенью, отбрасываемой им от света далекого солнца.

Две капсулы, вращаясь, будто сверлили пустоту, вырвались из ниш в брюхе корабля и врезались в более рыхлый металл оболочки скитальца. Два сигнала запульсировали на панели коммуникации на мостике «Эха». Первый звучал мягко, его оттенял треск вокса. Второй говорил коротким, резким шипением.

- Говорит Талос из Первого Когтя. Мы внутри.

- Люкориф. Девятый Коготь. Внутри.

IV

Уже десять часов внутри, семь часов с тех пор, как он последний раз говорил с Октавией. В корабле, через который они двигались, действовала искусственная гравитация и рециркуляторы воздуха, что немного скрашивало положение.

Септим знал, что лучше ему не говорить Астартес, что он голоден. Они были выше таких вещей и не намеревались обременять себя проблемами смертных. Среди его экипировки имелись таблетки обезвоженного рациона, но они лишь немного притупляли голод. Первый Коготь двигался по темным коридорам с неумолимым упорством, в пугающем безмолвии. Часом ранее Септим рискнул остановиться, чтобы помочиться на переборку, и ему пришлось совершить краткий забег, чтобы догнать их.

По возвращении его приветствовал лишь рык одного из членов отряда. Облаченный в древние доспехи, с кровавым отпечатком руки на забрале, Узас огрызнулся на приблизившегося человека.

По меркам Узаса это было почти что радушное приветствие.

Они пробились сквозь четырнадцать кораблей, хотя и было невероятно сложно понять, где заканчивается один и начинается другой, или что они на самом деле двигаются через оторванный отсек деформированного судна, которое уже миновали.

Большую часть времени они проводили, ожидая, когда сервиторы закончат резать — резать задраенные переборки, резать смятые стены корабельных корпусов, прорезать искореженный металл, чтобы достичь пространства, по которому можно было двигаться дальше.

Два сервитора трудились с бездумным прилежанием, их действия были полностью подчинены испещренному знаками контрольному планшету в подобных руках скелета руках Делтриана. Дрели, пилы, лазерные резаки и плазменные горелки раскаляли воздух вокруг пары бионических рабов, прорезающих себе путь сквозь очередное препятствие в виде искореженной стены.

Техножрец наблюдал за ними изумрудными глазами — самоцветами, превращенными в многослойные линзы и вставленными в глазницы перестроенного лица.

Делтриан сконструировал собственное тело согласно высочайшим стандартам. Эскизы, придуманные им в процессе конструирования своего облика, по меркам человеческого ума были ближе к искусству, нежели к инженерному делу. Таковы были усилия, необходимые, чтобы жить вместе с Астартес на протяжении веков, когда ты не наделен бессмертием, каким одаряла их обусловленная генетикой физиология.

Техножрец понимал, что вызывает у человека тревогу. Он хорошо знал, какое впечатление его внешний вид производил на неаугментированных смертных. Уравнения его разума, имитирующие биологический ход мысли, не находили ответа на то, как устранить этот неприятный эффект, и он не был уверен, что это — технически говоря — было ошибкой, нуждающейся в исправлении. Страх можно было использовать, собирая его урожай с других. Этот урок Делтриан выучил благодаря сотрудничеству с Повелителями Ночи.

Техножрец удостоил человека кивка. Этот слуга был из избранных и заслуживал толики уважения, будучи мастером, ухаживающим за доспехами и оружием Первого Когтя.

- Септим, - сказал он. Человек вздрогнул, в то время как сервиторы продолжали работу.

- Досточтимый адепт, - в свою очередь склонил голову раб. Коридор, в котором они находились, был низок и чрезвычайно тесен. Воины Первого Когтя занимались своим делом, патрулируя близлежащие помещения.

- Ты знаешь, почему ты здесь, Септим?

У Септима не было ответа.

Делтриан был уродливым созданием из потемневшего металла, наполненных жидкостью трубок и полированного хрома — металлический скелет, снабженный кровеносной системой, облаченный в старую, грубо вытканную мантию цвета крови в лунном свете.

Должно быть, требовалось извращенное чувство юмора, чтобы в течение десятилетий перековать свое тело в нечто, напоминающее бионическую копию какого-то бога смерти с Терры доимперских времен. Септим не понимал шутку — если это и впрямь была шутка.

Сейчас глаза-линзы Делтриана были темно-зеленого цвета, вероятно, вырезанные из изумрудов. Это

никоим образом не было его постоянной чертой. Нередко они бывали красными, синими или прозрачными, демонстрирующими находящиеся за ними переплетения проводов, ведущие к мозгу, который по крайней мере частично оставался человеческим.

- Я не знаю, досточтимый адепт. Хозяева не рассказали мне.

- Полагаю, я в состоянии сделать приблизительный анализ, - Делтриан рассмеялся, гудя подобно воксу, сбившемуся с нужной частоты.

В этих словах скрывалась угроза. Гнев придал Септиму смелости, однако он удержался от того, чтоб положить руки на лазпистолеты, покоящиеся в кобурах на его бедрах. Хотя Делтриан и пользовался привилегиями как союзник от Механикус, но он был точно также связан службой VIII легиону, как Септим.

- Просветите же меня, досточтимый адепт.

- Ты — человек, - бескожее существо повернуло ухмыляющийся череп в сторону, чтобы в очередной раз проследить за работой сервиторов. - Человек, который не облачен в ограждающий керамит. Твоя кровь, твое сердцебиение, твой пот и дыхание — все эти биологические тонкости — их заметят ксеносы определенного хищного вида, находящиеся на этом скитальце.

- При всем моем уважении, Делтриан... - Септим повернулся, оглядываясь на длинный коридор, по которому они шли, - вы заблуждаетесь.

- Я вижу и слышу тебя даже слишком хорошо, и мой сконструированный спектр восприятия сравним с чувствами генокрадского рода. Для моих акустических рецепторов твое дыхание — словно ветра планеты, а твое бьющееся сердце подобно примитивным барабанам первобытных культур. Если я это чувствую, Септим — и, уверяю тебя, это действительно так — тогда ты должен понимать, что множество живых существ, нашедших убежище на этих заброшенных кораблях, чувствуют это так же хорошо.

Септим фыркнул. Сама идея того, что Повелители Ночи используют его — одного из наиболее ценных рабов — как наживку, была...

- Контакт, - сообщил по воксу Талос.

В отдалении залаяли болтеры.

V

Старейшее стряхнуло с себя хладную темноту небытия - наиболее близкого ко сну состояния из всех, что знал его род.

В основании его изогнутого черепа зародилось отдаленное эхо боли — тусклое, но тревожное. Эта слабая боль постепенно распространилась с мягкой настойчивостью, пульсируя в кровеносных сосудах и эхом повторяя сердцебиение существа. Боль паутиной распространилась вниз по хребту Старейшего, проникла в лицевые кости, испускаемая его медлительным разумом.

Это не была боль раны, поражения, охотника, которому не досталась добыча. Это чувство не затмевало голод, однако было даже более неприятным. Его вкус и резонанс были совершенно иными, и Старейшее не чувствовало ничего подобного уже... уже какое-то время.

Его сородичи умирали. Каждое отверстие в плоти, каждая оторванная конечность, каждая кровоточащая глазница отзывалась в Старейшем эхом призрачной боли.

Во тьме оно расправило конечности. Суставы щелкали и потрескивали, напрягаясь и вновь расслабляясь.

Убийственные когти содрогнулись, раскрываясь и сжимаясь в прохладном воздухе. Язык ощутил жжение пищеварительной кислоты, когда слюнные железы снова загорелись жизнью. Старейшее прерывисто вдохнуло сквозь ряды акульих зубов, и холодный воздух катализировал его чувства. Лишенные выражения глаза открылись, по подбородку поползли толстые нити слюны, свисая с пасти и падая шипящими каплями на палубный настил.

Старейшее выползло за пределы своего убежища и двинулось по кораблю в поисках существ, убивающих его детей.

Оно почувствовало в воздухе кровь, услышало биение сердца добычи, учуяло соленый пот на мягкой коже. Сильнее всего этого оно ощущало гудящий шум живого сознания, биологическое электричество мозга — эмоции и мысли.

Жизнь.

Человек. Близко.

Старейшее защелкало похожими на лезвия ротовыми придатками и, пригнувшись, пустилось в голодный бег. Оно несло по темным проходам, стуча когтями по металлу.

Сородичи, отправил оно немое послание, я иду.

VI

Люкорифа и его команду не обременяли человек и техножрец. Кроме того, им не нужны были лоботомированные сервиторы, чтобы преодолевать препятствия. Несколько рапторов Люкорифа были вооружены мельтаганам, извергающими раскаленные потоки газа, достаточно горячие, чтобы уничтожить металл.

Будто стая зверей, Кровавые Глаза, все еще привыкавшие к своему новому названию «Девятый Коготь», куда быстрее продвигались через конгломерат смятых кораблей. В отличие от Талоса и Первого Когтя, Люкориф и его братья не имели четко обозначенной цели. Они вели разведку, крались вперед, охотились за любыми ценными вещами, какие могли найти.

И пока что они не обнаружили ровным счетом ничего.

Скука становилась еще горше из-за того, что, если бы это их отправили вглубь, на поиски корабля Механикус, зажатого в ядре скитальца, то, Люкориф был уверен, Кровавые Глаза уже побывали бы там и двинулись обратно.

Вокс-связь становилась все менее стабильной по мере того, как Девятый Коготь отдалялся от своих братьев, и Люкориф быстро терял терпение из-за медленного продвижения Первого Когтя. Сперва они задерживались из-за раба-человека, который отставал. Потом им приходилось замедляться из-за техноадепта, пока он — пока оно — сливало информацию из различных инфохранилищ и запоминающих устройств на кораблях, через которые пробивал себе путь Первый Коготь.

- Испаряющее оружие, - доносился из вокса шипящий голос Люкорифа. - Оружие мельта-типа. Не надо резать. Не надо сервиторов с резаками. Куда быстрее.

Ответ Талоса сопровождала приглушенная вибрация от выстрелов болтера.

- Принято. Будьте внимательны, мы встретились с незначительной угрозой генокрадов. Число очень невелико, по крайней мере, в этой секции. Где вы находитесь?

Люкориф вел свою стаю вперед, по просторным коридорам; все рапторы сгорбились и скакали на четырех конечностях, словно животные. Строение этих проходов было ему хорошо знакомо.

- Корабль Астартес, стандартная шаблонная конструкция. Не наш. Рабов Трона.

- Ясно. Наличие ксеносов?

- Есть. Несколько. Все уже мертвы.

Цилиндрические двигатели на его спине работали вхолостую, периодически кашляя черным дымом через вентиляционные отверстия.

- Проникли в инженерииум. В корабле частично сохранилась энергия. Некоторые светильники горят. Некоторые двери открываются. Корабль не древний, как другие. Близко к краю скитальца.

- Понял, - ответ Талоса вновь приглушил болтерный огонь, послышалась отдаленная ругань других Астартес. - Эти твари медлительны и слабы. Они выглядят почти что дряхлыми.

- Ксеносы-генокрады здесь уже много десятилетий. Нет добычи, нет силы. Звери стали старыми, стали хрупкими. Все еще опасны.

- Настоящей драки пока не было, - шум болтеров начал стихать. - Докладывай обстановку каждые десять минут.

- Да, пророк. Я повинуюсь.

Бывший человек крался вперед на четырех лапах, следя через раскосые глазные линзы за очертаниями стен. Коридор, наконец, завершился большим залом, наполненным блаженной тихой тьмой; в нем возвышались генераторы, а в стене была размещена плазменная камера, которая все еще, вопреки всем ожиданиям, испускала слабое оранжевое сияние, исходящее от взрывоопасного коктейля жидкостей и газов, клубящегося в ее стеклянных глубинах.

Не нуждаясь в приказах, рапторы разошлись по машинному отделению, приблизились к консолям и опорам, заняли стрелковые позиции, прикрывая выходы из помещения. Несколько членов стаи включили жалобно взвизгнувшие двигатели, чтобы взлететь на высокие платформы.

Люкориф с трудом подавил желание взмыть вверх вместе с ними. Даже в замкнутом пространстве корабля он жаждал избавиться от неудобной, замедляющей его опоры под ногами.

Все же не отказав себе в кратком удовольствии, он включил турбины усилием столь же простым и естественным, как вдох. Толчок реактивной струи понес его через инженерииум, и он удобно приземлился на четвереньки возле главного терминала, управляющего подачей энергии. Среди устройств управления лежало восемь мертвых сервиторов, превратившихся в силуэты, выложенные костями и бионикой.

Один из лучших воинов Люкорифа, Вораша, уже расположился за консолью, и его изогнутые пальцы-когти клацали по клавишам.

- Плазменная камера истощилась, - просочился голос Вораша сквозь оскаленное голосовое устройство шлема. - Энергия иссякала десятилетиями, да-да.

- Восстанови ее, - вожак рапторов подчеркнул приказ коротким резким звуком — чем-то средним между визгом и шепотом. - Сейчас же.

Когти Вораша застучали по клавишам, задержали рычаги.

- Я не могу это сделать. Большая часть корабля мертва. Могу направить энергию из отсека в отсек, да-да. Легко. Открыть переборки, слишком толстые, чтобы быстро прожечь их. Восстановить энергию во всех отсеках — не могу.

Люкориф ответил пронзительным, резким тоном:

- Много лишних отсеков. Отрежь им питание. Затем двинемся дальше.

- Будет сделано, - сказал Вораша и начал перенаправлять скудные запасы энергии, оставшейся в кровеносной системе корабля, в отсеки, через которые собирались двигаться рапторы Кровавых Глаз. По его расчетам, Вораша должен был сэкономить почти час, который ушел бы на прожигание задраенных дверей на их пути.

- Что это за корабль? - спросил Люкориф, подняв лицо к потолку и ища какие-либо знаки принадлежности или отличия.

Ответ пришел от другого раптора. Не прошло и десяти секунд после того, как вожак задал вопрос, как Зон Ла обнаружил тело. Облаченное в зеленые доспехи, оно лежало на платформе высоко над полом инженариума; хотя когти свирепых чужаков искромсали его на куски, эмблема в виде бронзового дракона на нагруднике явственно демонстрировала его принадлежность.

- XVIII легион, - прошипел раптор, отскакивая в отвращении. Язык Зон Ла обожгло от внезапного желания плюнуть едкой слюной на разложившийся до костей труп.

Вораша подключился к угасающему энергетическому ядру корабля и повернулся к Люкорифу.

- Ненужные отсеки отключены. Корабль называется «Протей», да-да, XVIII легион.

Люкориф усмехнулся за лицевым щитком, с которого взирали красные глазные линзы; ниже, по щекам двойными ручейками сбегали серебряные и алые слезы. Таков был облик всех его братьев из Кровавых Глаз. Каждый из них взирал на мир сквозь шлем с раскосыми глазами и плакал слезами из ртути и крови.

- Саламандры. В Старой Войне мы убили многих. Удивительно, кто-то из них еще жив.

- Подожди-подожди.

Вораша никогда не говорил по-настоящему — речь ему заменяло шипение и щелканье, хотя другие рапторы могли легко понять смысл его изломанной речи.

- Я чую других. Я слышу других поблизости.

Люкориф напрягся, как и его братья, и наклонил голову.

Он тоже это услышал. Звуки стрельбы.

- Саламандры, - прохрипел Зон Ла. - Еще живые на корабле.

Люкориф уже неуклюже двигался к двойным дверям, которые вели дальше в глубины корабля.

- Ненадолго. Девять из вас останутся с Ворашей. Другие девять — за мной.

Ксарл и Узас, оба — воины Первого Когтя, поливали проход огнем на подавление, и болтеры дергались в крепко стиснутых кулаках. Выстрелы Узаса распределялись случайно, поражая ту тварь, что привлекла его внимание в этот конкретный миг. Ксарл же был полон контролируемой агрессии, он то пробивал черепа ксеносам, подобранным ближе других, то повергал тех, которые пытались снова подняться.

Они оба уловили потрескивающее сообщение Талоса, и оба были одинаково разъярены. Кровавые Глаза, на несколько часов опережавшие их на пути в глубины скитальца, повстречали верноподданных Астартес.

Саламандры.

Слишком далеко — гораздо дальше — чтобы Первый Коготь до них добрался. Талос приказал своим братьям охранять Делтриана и зачищать коридоры от угрозы чужаков.

Ксарл сконцентрировал гнев, превратив его в жажду убийства, вытащил цепной меч и принялся рубить направо и налево по генокрадам, подобранным достаточно близко к воинам. Узас, никогда не отличавшийся деликатностью или самоконтролем, выл о своей досаде равнодушным стенам и разрывал чужаков выстрелами болтера, ударами цепного клинка и даже голыми руками.

- Люкориф, это Талос.

- Не до слов. Идет охота.

- Сначала оцените степень угрозы. Не вступайте в бой, если не уверены в победе.

- *Трус!*

- У нас здесь «Эхо Проклятия», глупец. Мы можем обезвредить их корабль из космоса и применить абордажные капсулы, когда захотим. Не вступайте в бой, если не уверены в победе. У нас недостаточно сил, чтобы сражаться с терминаторами.

Ответа не было — только яростный лязг когтей по металлическому настилу.

Талос медленно выдохнул. Дыхание вышло через вокс-динамики шлема скрежещущим хрипом демона. Этого не было в плане.

Он отдал приказ, чтоб ударный крейсер уменьшил расход энергии и активировал «Вопль», если какой-либо имперский звездолет появится в системе. Шанс на то, что корабль Саламандр засечет и уничтожит «Эхо», невелик, но Талос был далек от оптимизма. Делтриан слишком задерживался, а Люкориф, как всегда, оказался неконтролируемым звеном.

- Первый Коготь «Эху Проклятия».

- ...кр... с... оть...

Вокс все еще был бесполезен. Надо выбраться во внешние слои скитальца, чтобы восстановить связь.

- Делтриан, - сказал в вокс Талос, - доложить о ходе работ.

VII

Старейшее завернуло за угол, цепляясь за стены когтями, ищущими опору в древней выгнутой стали. Оно не замедлилось даже на долю мгновения. Едкая слюна обжигала челюсти, сползая вниз по подбородку.

Добыча.

Двое. Впереди.

Старейшее перепрыгнуло через тела павших сородичей, стремглав бросилось на потолок и побежало по нему вперед, не замедляя движения. Когти с чудовищной скоростью хватались за металл, пробивая дыры. Оно расшвыривало своим телом меньших сородичей, продиралось сквозь тех, кто был достаточно высок, чтобы загораживать ему проход. В лучшие времена связь с разумом Старейшего заставляла их почтительно и поспешно убираться с пути, когда они чувствовали приближение своего владыки.

- Перезаряжаю, - Меркуциан упал на колени и выбросил опустошенную обойму из тяжелого болтера.

Сайрион, стоявший рядом, прицелился из своего оружия, и в коридоре эхом отдался знакомый грохот болтера, стреляющего в полном автоматическом режиме.

- Заряжай быстрее.

- Продолжай стрелять, - огрызнулся Меркуциан.

- Проклятье, оно на потолке...

- Продолжай стрелять.

Под ним и вокруг него лопались и трескались бронированные тела его сородичей, сраженных огнем обороняющейся добычи. Их было двое, и они извергали отвратительный поток горящего гнева, который разносил братьев Старейшего на куски.

Раскаленные снаряды начали разбиваться о шкуру Старейшего. Внезапно оно вспомнило чувство боли.

Меркуциан вогнал новую обойму в приемник и снова поднял тяжелый болтер. Прошло три томительные секунды, прежде чем он вновь ожил, и его внутренние механизмы снова залязгали.

Мельком взглянув, он увидел, что болтер Сайриона опустошает ряды более слабых существ, однако огромная тварь все еще визжала, мчась по потолку сквозь шквал болтерного огня, метр за метром пожирая оставшееся до них расстояние.

Он не стал подниматься с колена. Оставаясь в том же положении, он дернул рычаг спуска и ощутил толчок стабилизаторов доспеха, компенсирующих отдачу орудия.

Тяжелый болтер затрясся, изрыгая поток высокоскоростных взрывчатых болтов, и каждый из них вырвал кусок покрытого хитином мяса из экзоскелета твари.

Когда двенадцатый болт достиг цели, существо рухнуло с потолка прямо в массу меньших созданий,

бурлящую внизу. Меркуциан опустил ствол и позволил своему оружию снова обрушиться на них огонь.

Старейшее почувствовало запах собственной крови, и каким-то образом это поразило его больше, чем боль открытых, кровоточащих ран. Он пересиливал запах ранений его сородичей, затмевал его силой и насыщенностью.

Существо-властитель согнуло поврежденные конечности, поджимая их ближе к телу. Оно недооценило добычу. Та оказалась свирепой. С добычей нельзя было сражаться на равных, но следовало тайно выслеживать ее, как мясо, на которое охотятся. Это был Путь. Голод Старейшего затмил пред ним Путь, но боль, принесенная ошибкой, послужила надежнейшим напоминанием.

Сгорбившееся, побежденное, но совершенно лишенное стыда, Старейшее прорывалось обратно по коридору, убивая собственных сородичей, дабы сбежать от добычи.

Некоторое время спустя, снова оказавшись в безмолвной темноте, оно расправило израненные конечности, ожидая, когда прекратится кровотечение.

Беззвучный крик – одинокий импульс мысли – огласил палубы наверху и внизу. Множество сородичей, расплзшихся по улью и также ослабленных голодом, развернулось и пробудилось из состояния почти-спячки.

Старейшее двинулось прочь, намереваясь самостоятельно напасть на добычу, но позже и запасшись терпением.

Меркуциан опустил тяжелый болтер и сполз вниз по стене. Сайрион пристегнул болтер к бедру и вытащил пистолет и цепной клинок.

Наконец-то в коридоре наступила благословенная тишина. Разве что иногда конвульсивно содрогался мертвый ксенос.

- Талос, это Сайрион.

- Говори, – затрещал в воксе голос пророка.

- Этот участок пока безопасен. Предупреждаю, один из этих генокрадов огромен. Меркуциан всадил в него достаточно болтов, чтобы в клочья порвать демона, а тот только завыл и сбежал. Клянусь именем нашего отца, эта ублюдочная тварь как будто смеялась, убегая. Теперь отходим к техножрецу, чтоб его.

- Ясно. Делтриан настаивает, что это именно тот корабль. Он взломал хранилище данных у правого борта. Наконец-то.

- Так это титаноносец?

- Был. Теперь больше похож на улей ксеносов. Гнездо генокрадов, близких к смерти от голода.

- Хорошо бы знать, что мы не даром потратили уйму времени, забравшись сюда.

- Это, – усмехнулся Талос, – значило бы, что наконец-то что-то пошло так, как надо.

Вокс-линк затих.

Примерно в семи метрах от Сайриона зашевелился мертвый генокрад. Тот разнес ему голову одним выстрелом болтпистолета.

Меркуциан, кряхтя, поднялся на ноги.

- Теперь понятно, почему Трон посылает в такие места терминаторов.

Старейшее скачками мчалось по темным туннелям, припадая к полу и без усилий перепрыгивая то на стены, то на потолки. Оно углублялось все дальше и дальше в улей, обходя стороной добычу, пахнущую незнакомым металлом и пороховым огнем. Они были сильны, а Старейшее ослабло как никогда. Ему нужно было насытиться более легкой добычей, чтобы восстановить силы.

И здесь была другая добыча. Старейшее все еще чувало ее запах даже поверх зловония собственных ран.

Этот запах был сильным и соленым, как кровь, и это была та еда, которой так терпеливо дожидалось Старейшее.

Однако ее охраняла бронированная добыча. Они окружили ее, блокируя проходы и затаившись в засаде, готовые причинить новую боль. Старейшему надо было избегать их, карабкаться и красться по самым тесным лазам и продрать новые тоннели в стальных стенах улья.

Оно бежало, рвало, прыгало и раздирало, ощущая, как все больше сородичей пробуждаются ото сна.

Наконец, оно добралось до обширного участка принадлежащей его роду территории, где обитали некоторые из его собратьев. Человеческая добыча была здесь, пряталась в этих огромных покаях.

Старейшее снова расправило израненные конечности. Кровь больше не текла. Со временем придет настоящее исцеление. Пока что хватит и того, что прекратились кровотечения и боль.

В темноте Старейшее пустило слюну и с новой силой двинулось вперед. В его разуме ожило что-то первобытное, инстинктивное, и корабль сотряс беззвучный вопль.

Нужно призвать сородичей.

Септим наблюдал за сервиторами, работающими в помещении. Иногда визор его скафандра затмевал пар дыхания, но, когда тот прояснялся, зрелище оставалось неизменным: бионические рабы снимали с мест тяжелые запоминающие устройства когитаторов и закрепляли у себя на спинах. Облаченный в мантию техноадепт Делтриан руководил их деятельностью из-за главной консоли в комнате, полной неработающих мониторов и процессоров.

Тысячи лет назад это было сердце военного корабля Механикус, перевозившее титанов и улучшенных солдат между звездами. В этой самой комнате техножрецы вершили свои дела, понятные лишь посвященным, хранили информацию о бесконечных крестовых походах, фотопулеметные записи сотен сражений, бесчисленные вокс-передачи целых поколений командиров титанов и офицеров пехоты и — наиболее важное — ключи к кодам, голосовые отпечатки и защитные шифры легиона титанов, которому когда-то принадлежал этот корабль.

Все это в сумме и было тем, за чем явился похожий на скелет техноадепт: шансом заявить притязания на миллион секретов Культа Механикус. Такие знания стоили любого риска. Они даровали бесконечные возможности для Старой Войны против ложного Императора и отребья Истинного Механикума, которое доживало свой век в невежестве, агонизируя на поверхности Великого Марса.

Все же было сложно убедить Повелителей Ночи в необходимости этого, в том, какие возможности стоят на кону. Их удалось заманить соблазнительной перспективой мародерства. По мнению техножреца, это был грубый компромисс. Насколько Делтриан еще мог воспроизводить человеческие эмоции, он питал

некоторое уважение к воинам VIII легиона, однако его удручала их недалёковидность относительно того знания, что он здесь добыл.

И все же, всегда можно было положиться на их искреннюю тягу к пиратству. На этом пристрастии он и сыграл.

- Вы слышали это? - спросил Септим. В воксе слышалось его дыхание. - Первый Коготь вступил в бой с каким-то огромным существом.

Делтриан перенаправил незначительную долю внимания на ответ.

- Корпораптор примус.

- Что?

Особенности голоса человека показывали, что он скорее смутился от непонимания, а не ?из-за того, что? неверно расслышал. Делтриан издал вокабулятором раздраженный импульс статического шума — самый близкий к вздоху звук, какой он мог произнести.

- Корпораптор примус. Патриарх выводка генокрадов. Альфа-особь, высший хищник.

- Как можно убить такую тварь?

- Нам — никак. Если оно найдет нас, мы умрем. Теперь прекрати вокализировать. Я занят делом, требующим концентрации.

Делтриан наслаждался относительной тишиной еще три минуты, а затем в консоли, за которой он работал, эхом отдалась дрожь далеких шагов, слишком быстрых для человека, слишком легких для Астартес. От далекой поступи панели вибрировали — смертный бы не ощутил их дрожи, однако ее регистрировали чувствительные подушечки на металлических пальцах техноадепта.

На мгновение он прервал концентрацию, чтобы отправить короткую очередь цифрового кода, отразившуюся готическим текстом на экранах визоров Первого Когтя: «Угроза генокрадов пересекла периметр. Моя работа на уязвимой стадии».

Завершив эту задачу меньше, чем за один удар сердца, Делтриан продолжил работать, вводя цифровые ключи, которые должны были проникнуть сквозь замки, кодирующие информацию внутри когитатора. Он был близок, очень близок к тому, чтобы опустошить хранилища данных этого терминала, и с неудовольствием осознавал, что вскоре появится отвлекающий фактор.

VIII

Кровавые Глаза крались, похожие на керамитовых горгулий с искаженными, безмолвно воющими лицами. Туннели здесь были шире и просторнее, под потолками крепилась вторичная палуба и свисали спутанные кабели. Там, на этой палубе, среди толстых проводов, которые служили кровеносными сосудами маломощному кораблю, Кровавые Глаза ждали добычи.

И она уже проглотила наживку. Воин в массивной зеленой терминаторской броне топал без всякой грации, грохоча по коридорам и стреляя в тени из закрепленной на подвеске ротаторной пушки. С ним что-то было не так. С высоты Повелителя Ночи слышали, как верный Трону Астартес бранит несуществующих врагов, очевидно, сражаясь в бою, который не имел ничего общего с реальностью.

Выжженные дыры усеивали стены там, где в них врезался поток огня, извергаемый пушкой в долгих яростных вспышках.

Кровавые Глаза обменялись по воксу приглушенными смешками и уставились вниз, на бредящего воина. Было ясно, что его одолевало крайне забавное безумие.

И все же... он *заглотил* наживку. Шар Гэн по-прежнему уводил терминатора вперед, показываясь из разных проходов и из-за углов, мелькая перед ним темными доспехами и пронзительно крича в вокс-динамики шлема. Что бы себе не представлял Саламандра, он по-прежнему неотступно гнался за Шар Гэном, не обращая внимания на рапторов, крадущихся в нескольких метрах над ним и ползущих на четвереньках между настилом и силовыми кабелями.

Только когда Люкориф счел, что они зашли достаточно далеко, они захлопнули ловушку.

- Закройте двери, - прошипел предводитель. Обе переборки с грохотом закрылись, отрезая коридор от остального корабля. Вдали, у панели управления в глубине корабля, Вораша и вторая группа Кровавых Глаз рассмеялись.

Терминатор остановился посреди коридора — у него еще оставалось достаточно здравого смысла, чтобы понять, что он в ловушке. Воин, наконец, посмотрел вверх, и десять цепных мечей зажужжали, оживая.

Кровавые Глаза цеплялись за вторичную палубу, за протянутые поверху провода, даже за стены и потолок. За мгновение до того, как рапторы устремились вниз, Люкориф прошептал в вокс:

- Убейте его.

Талос вошел в хранилище данных. В этой части корабля Механикус восстановили гравитацию, и вместе с ней вновь появилась искусственная атмосфера. Корабль автоматически отрезал пустые отсеки переборками.

Появление воздуха также добавило новый аспект этой странной охоте. Вернулся звук. И он не был приятным — внутренние устройства модулей памяти гремели и дребезжали, словно двигатель какого-то еле ползущего транспорта. Во внутренностях когитаторов грохотали поршни. Талос не желал знать, зачем древним машинам-хранилищам требовались эти подвижные части, и за те шесть минут, что прошли после восстановления атмосферы сервиторами Делтриана, звук неуклонно раздражал его все больше и больше.

Вариэль добрался до зала несколькими минутами ранее пророка. Когда вошел Талос, самый новый член Первого Когтя кивнул в знак приветствия, но ничего не сказал.

Его доспехи демонстрировали принадлежность к новым братьям, однако были лишены множества украшений, свойственных им. Наплечники Вариэля, вместо увенчанного демоническими крыльями клыкастого черепа VIII легиона, демонстрировали знак в виде когтистого кулака, изображенного на разбитом ритуальными ударами черном керамите.

Наруч на левой руке Вариэля представлял собой модифицированный нартециум, содержащий капсулы с жидким азотом, сверла для плоти, пилы для костей и хирургические лазеры. Хотя его забрало больше не было окрашено в белый цвет аптекаря, он все еще носил инструменты своего ремесла. Вместо свисающих на цепях человеческих черепов боевой доспех Вариэля украшали расколотые шлемы Астартес из Красных Корсаров. Эти отличия, не очень заметные, но значительные, выделяли его среди остальных членов Первого Когтя.

Талос и Вариэль крепко сжимали болтеры, едва уделяя внимание работе Делтриана и вместо этого внимательно разглядывая пространство зала и ряды пустых экранов когитаторов.

Септим не снял шлем, хотя уже можно было дышать воздухом. Он подошел поближе к Талосу, бросив косо́й взгляд на занятого своим делом техножреца.

- Хозяин, - обратился он по воксу к гиганту-Астартес.

Талос уделил Септиму мгновение, глянув на него. Длинные волосы раба, гладкие от пота, были стянуты в неряшливый конский хвост. Бионические части лица, ухоженные и начищенные, поблескивали, отражая свет ламп над головой.

- Септим, приготовься. Ксеносы близко.

Раб легиона не спрашивал, почему все, кроме него, знают, что приближается. Он давно привык, что человеческие чувства делают его неполноценным в сравнении с воинами, которых он все еще инстинктивно называл про себя полубогами.

- Хозяин, почему вы привели меня сюда?

Талос, похоже, смотрел на далекую и скрытую тенью стену. Он не ответил.

- Хозяин?

- Почему ты спрашиваешь? - ответил воин, все еще едва уделяя ему внимание. - Ты никогда раньше не сомневался в своих обязанностях.

- Я хочу лишь понять свои место и роль.

Талос отошел в сторону, держа болтер наготове. Из дыхательной решетки Повелителя Ночи донеслось искаженное воксом рычание. Септим напрягся и не пошел следом.

- Я чувствую твой страх. Ты здесь не в качестве приманки. Сохраняй оптимизм. Мы не дадим тебе погибнуть.

- Делтриан предположил иное.

- Септим, мы можем задержаться здесь на несколько дней. Я хотел, чтобы ты был поблизости и выполнил свой долг, если нашим доспехам потребуется ремонт.

Дней... Дней?

- Так долго, хозяин?

Раздалась серия щелчков — Талос переключился на вокс-канал, доступный лишь ему и его рабу.

- Из уважения к досточтимому техноадепту я не скажу, что Делтриан работает медленно. Я изменю формулировку и скажу, что он работает педантично. Но ты понятливый, Септим. Ты знаешь, каков он.

- Да, но все же... Хозяин, это правда может занять несколько дней?

- Искренне надеюсь, что нет. Это уже отняло много времени. Если...

- *Ловец Душ!*

Талос тихо выругался, и на нострамском его проклятье звучало, как изысканные стихи. Голос, доносившийся из вокса, был хриплым, почти скрипящим. Люкориф был взбешен, и это явственно слышалось в его словах.

- Да, Люкориф.

- Их слишком много.

- Подтверди наличие ксеносов в...

- Не чужие! Ублюдки Вулкана! Целых две бригады. Они убивают и убивают. Девять Кровавых Глаз мертвы. Девять никогда не поднимутся. Девять из двадцати!

- Успокойся, брат, - Талос с трудом подавил желание осыпать вожака рапторов бранью за его проклятое тщеславие. Его глупость стоила девяти жизней в битве, которую невозможно было выиграть без терпения и осторожности.

Было ошибкой спустить их с поводка.

- Я иду к Вораше, - прошипел Люкориф. - На этот раз мы их всех перебьем.

- Хватит. Ты отступишь, наконец? Подождешь, пока мы перегруппируемся на корабле и ударим из космоса?

- Но...

- *Хватит*. Отступай ко второй команде и покинь «Протей». Вернись к Первому Когтю, и мы будем готовы покинуть скиталец. Пусть рабы Трона суетятся над собственной добычей.

- Понял.

- Люкориф. Подтверди дальнейшие действия.

- Отступить. Найти Ворашу. Вернуться к Первому Когтю.

- Хорошо, - Талос прервал вокс-связь и сглотнул полный рот горькой, едкой слюны. Не в первый и не в последний раз он подумал о том, как ненавидит обязанности командира.

Люкориф отшвырнул мельтаган, и тот с лязгом упал на пол. Он ему больше не понадобится. Из вентиляционных отверстий наспинных двигателей все еще струился жидкий дымок — они постепенно угасали после резкого рывка, когда он взлетел к потолку, спасаясь от сокрушительного огня штурмболтеров, принадлежащих элитным воинам Саламандр.

При помощи мельтагана — орудия, снятого с судорожно подергивающегося трупа Шар Гэна — он выжиг дыру в потолке и сбежал на верхний уровень.

Его самого ранили. Нагрудник треснул, и Люкориф чувствовал, что сила его доспеха истощилась — болтерный огонь разорвал какие-то важные каналы подачи энергии.

Ходьба на двух ногах была трудным испытанием даже для здорового Люкорифа, поэтому он полз, как ему было привычно, всеми четырьмя лапами нащупывая твердую опору.

- Вораша... - губы были мокры от крови. Боль от ран раздражала его, но не более того.

- Да-да?

Вокс невыносимо искажал звук. Доспех Люкорифа был в худшем состоянии, чем он думал поначалу. Помехи затмевали его визор в самые неподходящие моменты.

- Приказ — возвращаться к Первому Когтю.

- Я слышал, - ответил Вораша. - Я повинуюсь.

- Подожди.

- Подожди?

- Больше Саламандр, чем мы видели в первый раз. Гораздо больше. Найди гнезда ксеносов. Пробуди чужих. Приведи чужих к Саламандрам. Оба врага дерутся, оба врага умирают. Возмездие за Кровавые Глаза.

Вораша ответил змеиным смешком: «Сс-сс-сс».

- *Иди же!* - хрипло выкрикнул Люкориф. - *Отведи ксеносов к Саламандрам!*

IX

Мембраны, защищающие чувствительные глаза Старейшего, раскрылись с влажным щелчком. Оно осмотрело длинное помещение, видя слабые, но явные признаки движения. Человеческий запах теперь был сильнее. Гораздо сильнее.

Старейшее начало красться вперед, скребя когтями по металлическому полу. В помещение вошли еще двое из более опасной разновидности добычи, той, что владела грохочущим оружием с пробивающим огнем. Хотя звериный ум Старейшего не считал их за существ, способных его убить, оно хорошо выучило урок. Такую охоту не провести в одиночку.

Старейшее уже какое-то время безмолвно ревело из своего укрытия в тенях. Его сородичи приближались, десятки за десятками, шли из туннелей и камер, находящихся поблизости.

Их будет достаточно, чтобы одолеть даже самую опасную добычу.

- Я вижу его, - сказал в вокс Талос. Он всмотрелся вдаль, в шестьсот метров мрака, тянувшихся на север.

- Оно секунду назад появилось из стены.

- Я тоже его вижу, - донеслось от Вариэля. Он приблизился к Талосу и приподнял болтер; его тепловое зрение с легкостью пронзало мрак. - Кровь Императора, Меркуциан не солгал.

- Владыка выводка, - пробормотал пророк, глядя на отвратительного чужого — сплошь покрытые хитином конечности, когтистые придатки, луковицеобразный череп — который подкрадывался все ближе. - И преогромный. Стреляй, когда оно подберется на достаточное расстояние. Старайся не повредить настенные когитаторы.

- Будет выполнено, - сказал Вариэль, и Талос уловил в голосе новичка оттенок нежелания. Он относительно недавно вступил в ряды VIII легиона и не привык получать приказы.

Талос поднял болтер, вглядываясь в целеуказатель, и набрал воздуха, чтобы позвать остальных. В этот момент вокс взорвался грохотом оружия и нострамскими проклятиями. Весь Первый Коготь сражался,

захлестываемый волнами ослабленных тварей.

У остальных, очевидно, были свои проблемы.

Руна дистанции на подернутом алым визоре Талоса побелела. В этот самый миг Талос и Вариэль открыли огонь.

Неуловимо быстрыми движениями пальцы Делтриана нажимали кнопки, перемещали рычаги и настраивали реле. Код, скрывающий от него желанную информацию, был удивительно сложен, и для его взлома требовался определенный уровень работы с инструментами, даже притом, что лично изготовленные им ключи делали свою работу, перепрограммируя когитатор. Это не было неожиданностью, однако для такой работы требовалось разделение внимания, что техноадепт находил неприятным. Ко всему прочему добавлялась перестрелка в пятидесяти метрах слева, раздражавшая его шумом — поскольку болтеры едва ли можно было назвать тихим оружием, а корпоратор примус — разновидность ксеносов, которую Делтриан никогда не наблюдал самолично — непрерывно выл, претерпевая процесс разрывания на части взрывчатыми снарядами.

К хриплой трескотне болтерного огня добавилось «крак-крак, крак-крак» лазпистолетов Септима, что занятым образом походило на партию ударных.

Почти что... *Почти...*

Вокабулятор Делтриана издал блеяние на машинном коде — звук, который показался бы металлически резким и плоским любому, кто не был обучен пониманию этого уникального языка. Для него это был первый за много лет звук, столь близкий к выражению радости.

Шестнадцать отдельных плат памяти выскользнули из ячеек данных главного когитатора. Каждая была размером и формой примерно как человеческая ладонь. Каждая хранила в себе столетие записанных сведений, восходящих к годам создания этого корабля.

И каждая была бесценным артефактом, дающим непревзойденные возможности.

- Все сделано, - сказал техноадепт и начал собирать платы, явно не осознавая, что никто не обращает на него никакого внимания.

Он повернулся к сражающимся как раз вовремя, чтобы увидеть, как чужеродная тварь, чье тело представляло собой массу рваных ран, с неровными, сочащимися жидкостью кратерами на месте яйцевидных глаз, вонзила одну из немногих оставшихся конечностей в колено Вариэля. Серп из почерневшей кости с растрескавшимся и кровоточащим лезвием подрубил его смертоносной дугой.

Керамитовая броня разлетелась вдребезги. Астартес повалился с отсеченной ногой, продолжая стрелять в чудовище, приближающееся к нему, чтобы убить.

Однако смертельный удар нанес Талос. Его доспехи уже превратились в месиво изрубленных когтями металлических пластин. Пытаясь подобраться достаточно близко, чтобы использовать силовой меч, пророк получил удар очередной молотящей вокруг конечности, которая попала ему сбоку в голову. Молния задрожала на оживающем золотом клинке, когда полуотсеченная лапа-лезвие патриарха генокрадов с лязгом столкнулась со шлемом Повелителя Ночи. Белые осколки забрала градом посыпались на металлическую палубу.

Теперь Талос был достаточно близко. С лицом, наполовину обнаженным и кровоточащим от последнего

удара твари, он вогнал свой священный меч в ее хребет, двумя руками погрузил его в тело сквозь экзоскелетную броню и отвердевшие подкожные мускулы и, наконец, достал до уязвимой плоти и податливых костей.

Он повернул, дернул, выругался и потянул меч, двигая им, будто пилой, налево и направо, и из расширяющейся раны начала изливаться зловонная кровь.

Чужой снова завизжал, кислотная кровь брызнула из-за разбитых зубов, осыпая доспех Вариэля ливнем шипящих капель. Талос еще раз повернул и рванул на себя золотой клинок, и голова зверя отвалилась от туловища.

Существо рухнуло. Оно дернулось раз или два, жуткие раны, покрывавшие его тело, источали гнилостные жидкости вперемешку с темной кровью. Запахло, как позже рассказывал Септим другим рабам на корабле, чем-то средним между мертвецкой и мясной лавкой, которую в жару оставили открытой на месяц. Вонь пробивалась через любые воздушные фильтры и застаивалась в ноздрях. Броню Вариэля испещрили латунно-серые отметины там, где коррозионные соки из пасти зверя разъели краску его доспеха. Отрубленная нога не кровоточила — коагулянты в крови Астартес уже работали, сращивая края раны и покрывая ее коркой. Боль заглушали наркотические инъекторы доспеха, вводившие в кровоток стимуляторы и болеутоляющие.

И все же он изрыгнул проклятие, отползая от затихшей твари, и выругался на языке, который понимал только он. Делтриан проанализировал его лингвистические особенности. Вероятнее всего, это был диалект Бадаба — язык родного мира Вариэля. Детали были несущественны.

Доспехи Талоса практически полностью лишились цвета — кислоты и жгучая кровь изъели керамит и выггли темную краску. Он осмотрел дымящееся тело твари. Из-за повреждений, нанесенных шлему, можно было разглядеть половину его лица.

Техноадепт увидел, как пророк оскалился и всадил еще один снаряд болтера в отсеченную голову мертвого чужака. То, что оставалось от черепа генокрада, исчезло, разлетевшись мокрыми фрагментами, застучавшими по стенам, полу и доспехам самого Талоса.

Септим посмотрел на него, переводя дыхание. Восстановление и перекрашивание обоих древних боевых доспехов займет у него немало времени. Он чувствовал, что будет лучше не говорить об этом сейчас, и вместо этого сунул в кобуры гвардейские лазпистолеты, после чего привалился к стене.

- К черту все это, - выдохнул он.

Делтриан наблюдал за этой сценой ровно четыре и две десятых секунды.

- Я сказал, все сделано, - он не мог скрыть растущее нетерпение в голосе. - Может, мы уже пойдем?

Х

Когда «Эхо Проклятия» двинулся прочь от скитальца, «Вопль» затих, и плазменные инверсионные следы протянулись в вакууму позади корабля. Сверкая двигателями, выдыхая пар в космос, «Эхо» оторвался от огромного конгломерата заброшенных кораблей.

На командном троне, все еще облаченный в серый и покрытый трещинами испорченный доспех, Талос смотрел в окулюс. Тот показывал участок открытого космоса — и только.

- Как давно они покинули систему? - спросил он.

Это были его первые слова с тех пор, как он вернулся и сел на трон. Ответил на них один из пожилых людей-офицеров, все еще носящий униформу Имперского Флота, хотя и лишенную знаков Императора.

- Чуть больше двух часов назад, господин. Корабль Саламандр опасно перегревался. Мы думаем, что «Вопль» лишил их мужества — они сорвались с орбиты и бежали, вместо того, чтобы искать источник сигнала.

- Они не обнаружили корабль?

- Они даже не пытались его найти, господин. Они забрали штурманскую команду и пустились в бегство.

Талос покачал головой.

- Сыны Вулкана незлобивы и медлительны, однако они — Астартес и не ведают страха. Что бы не заставило их уползти из системы, это было делом огромной важности.

- Как скажете, господин. Какие будут приказы?

Талос фыркнул.

- Два часа — преимущество не из тех, что нельзя преодолеть. Следуем за ними. Пусть все Когти будут наготове. Когда мы их догоним, то вырвем из варпа и разберем их корабль по косточкам.

- Будет сделано, повелитель.

Пророк позволил своим глазам закрыться, в то время как корабль вокруг наполнился суетой.

В Зале Раздумий располагались немногочисленные реликвии, оставшиеся от павших воинов Талоса. В более славные эпохи подобный зал был бы прибежищем молящихся, местом очистительных медитаций, хранилищем истории легиона в виде оружия и доспехов, которыми когда-то владели его герои.

Ныне же он был и не совсем мастерской, и не до конца кладбищем. Повелителем Зала был Делтриан, и здесь его воля и слово были законом. Сервиторы работали за различными установками, ремонтируя части доспехов, заменяя зубчатые цепи застопоривших мечей, производя новые боеприпасы для болтеров и создавая их взрывчатую начинку.

Здесь, в оберегаемых ритуалами стазисных полях, на мраморных пьедесталах возвышались богато украшенные саркофаги павших воинов, ожидающих того времени, когда их поместят в тела дредноутов и снова пошлют в бой. Неподалеку бурлили наполненные жидкостью баки, в большинстве своем пустые, ждущие чистки и промывания; несколько были заняты обнаженными фигурами, которые нельзя было толком разглядеть в молочно-белых, насыщенных кислородом околоплодных водах.

Делтриан вернулся в свою святая святых несколько минут назад и уже помещал платы данных в ячейки собственных когитаторов, чтобы извлечь их знания в свои банки памяти. Двери в Зал Раздумий оставались открыты. Делтриан позволил данным копироваться без его надзора и вместо этого дожидался гостей.

Наконец, они прибыли. Двенадцать воинов шли неровной вереницей. На каждом Астартес виднелись следы недавней и жестокой схватки. Все они пережили еще шесть мучительных часов на скитальце, отражая атаки генокрадов и преследуя проклятых тварей до самых их гнезд.

Саламандры проделали превосходную работу, истребляя их, но все же потеряли шестерых воинов на борту «Протея» благодаря усилиям Вораша и Кровавых Глаз, которые направляли все новые волны ксенотварей в их часть корабля.

Шесть потерянных душ, шесть павших воинов. На первый взгляд казалось, что это немного. Повелители Ночи потеряли девятерых — все они были из Кровавых Глаз. Люкорифа это, похоже, не беспокоило.

- Слабые падают, сильные поднимаются, - сказал он, когда они вернулись на борт «Эха Проклятия». Делтриан заметил, что это было наиболее философской мыслью из всех, которые когда-либо высказывал деградировавший воин. Предводитель Кровавых Глаз не ответил на это.

Теперь Делтриан смотрел, как двенадцать Астартес входят в Зал Раздумий. Каждая пара несла немалый груз — изломанное тело одетого в доспехи воина-Саламандры. Один из убитых был изрезан с хирургической точностью и, вместе с тем, радостной жестокостью, сраженный Кровавыми Глазами и заслуживший сомнительную честь погибнуть первым. Другие несли на себе следы свирепых атак генокрадов — пробитые нагрудники, расколотые наручи и поножи, разбитые шлемы.

Но ничего такого, раздумывал Делтриан, что нельзя было бы починить.

Повелители Ночи разложили тела на мозаичном полу. Шесть мертвых Саламандр. Шесть мертвых Саламандр в терминаторских боевых доспехах, со штурмболтерами, силовым оружием и редкой ротаторной пушкой — орудием, практически неизвестным среди легионов-предателей, которые были вынуждены воевать подобранным на полях битв снаряжением и древним оружием.

Эти трофеи, эта священная добыча во имя благословенного Бога-Машины, стоила бесконечно больше, чем жизни четырнадцати Повелителей Ночи. Делтриан погладил эмблему ордена Саламандр — дракона, вырезанного на черном камне на наплечнике одного из павших воинов. Подобные символы можно убрать, а сам доспех модифицировать и переделать... машинные духи внутри озлобятся и станут более пригодны для нужд VIII легиона.

Пусть Повелители Ночи пока что плюются и сыплют проклятиями. Техножрец видел это в их черных глазах: каждый понимал ценность этих трофеев и надеялся стать одним из немногих избранных, кому будет дозволено носить эти святыне доспехи, когда они будут осквернены и подготовлены.

Девять жизней в обмен на секреты легиона титанов и шесть самых лучших доспехов, которые когда-либо создавало человечество.

Делтриан всегда улыбался, ибо таким был создан его подобный черепу лик. Впрочем, теперь, когда он взирал на свои новоприобретенные богатства, это выражение было искренним.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ядро_/_The_Core_\(рассказ\)&oldid=12471](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ядро_/_The_Core_(рассказ)&oldid=12471)

Эта страница в последний раз была отредактирована 18 апреля 2020 в 11:39.